

ПОЛИТИКА **Большая Евразия: цивилизационное пространство и проектирование будущего**

Кефели И. Ф.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; geokefeli@mail.ru

РЕФЕРАТ

Понятие Большой Евразии вошло в научный и политический лексикон сравнительно недавно и интенсивно наполняется новым содержанием. Пробуждение общественного интереса к евразийству совпало по времени с объективной тенденцией интеграции государств, возникших на евразийском пространстве после развала Советского Союза. Наступление антропоцена — новой геологической эпохи в истории Земли и глобальные подвижки «геополитических плит» Евразии, промышленная революция 4.0 и возникающее ощущение «жизни в осыпающемся мире» коренным образом изменяют внутренний мир человека, власть над которым все более жестко начинают захватывать механизмы алгоритмизации поведения и искусственный интеллект. Проективная функция Большой Евразии как идеологического и теоретического конструкта реализуется в программных документах и договорах коалиций государств континента на межцивилизационной основе.

Ключевые слова: Большая Евразия, евразийство, промышленная революция 4.0, антропоцен, геополитический треугольник

Great Eurasia: Civilizational Space and Designing the Future

Igor F. Kefeli

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; geokefeli@mail.ru

ABSTRACT

The notion of Big Eurasia included in scientific and political lexicon is relatively recent and rapidly filled with new content. Awakening public interest in the Eurasianism coincided with the objective trend of integration States that emerged in Eurasia after the collapse of the Soviet Union. Offensive Anthropocene as new geological epoch and global developments Eurasia's «geopolitical plates», the industrial revolution 4.0 and the resultant feeling of «life in the crumbles world» fundamentally change the inner world of man, power over which all more tightly beginning to capture mechanisms to algorithmization of conduct and Artificial Intelligence. Projective function Big Eurasia as ideological and theoretical construct is implemented in the policy documents and contracts for coalitions of States of the continent on a mezhcivilizacionnoj basis.

Keywords: Great Eurasia, Eurasianism, the industrial revolution 4.0, Anthropocene, geopolitical triangle

Введение

Авторы опубликованного в октябре 2018 г. доклада Международного дискуссионного клуба «Валдай» под весьма трагически-настораживающим названием «Жизнь в осыпающемся мире» приурочили его к 100-летию со времени окончания Первой мировой войны. На повестке дня *volens nolens* оказалось сопоставление эпох, и авторы представили его следующим образом: «Состояние мирового порядка парадоксальным образом напоминает положение столетней давности. Подъем националистических чувств (сейчас они несут отпечаток антиглобализма) и возрождение агрессивных форм экономического поведения в духе неомеркантилизма заставляют вспомнить атмосферу в Европе и мире в начале прошлого века... Сейчас, как и тогда, наступает период интерлюдии. Прежний порядок уже не существует. Нового нет, и даже непонятно, каким ему быть... Развилка формирования эффективно функционирующего международного порядка на основе глобального управления пройдена. Мир двинулся в ином направлении. Он соскользнул в эпоху односторонних решений — эта тенденция объективна, ею нельзя управлять, но необходимо понимать ее последствия. В первую очередь для институтов и практик многостороннего взаимодействия — международных организаций, центральное место среди которых занимает ООН. Продукт, символ и опора той системы, создание которой 73 года назад знаменовало окончание почти 30-летнего периода мировых геополитических потрясений» [1, с. 4–5].

Что касается «30-летнего периода мировых геополитических потрясений», то очевидно, что речь идет о двух геополитических катастрофах прошедшего столетия — мировых войнах. При чем «геополитическая катастрофа» в начале доклада — это парафраз высказывания В. Путина в 2005 г. в послании Федеральному Собранию о распаде СССР как о «крупнейшей геополитической катастрофе века»¹. Что же касается «периода интерлюдии» (если последнюю понимать в староанглийском духе эпохи Возрождения как пьесу религиозно-нравоучительного характера), то он характеризуется в первую очередь рассуждениями о русском мире и его отношении к миру западному, исламскому, китайскому и др. Мы мечемся в попытках утвердить (уже которое десятилетие) русскую идею и русскую мечту, создать новую идеологию и приемлемый для всех социальный проект будущего. Неспроста в центре внимания социально-политических и гуманитарных исследований оказались проблемы глобальной безопасности, жизненного мира россиян, выхода из плена неолиберализма и возвращения к вековым идеям социальной справедливости, равенства, достойной жизни и правды (последняя оказалась не менее актуальной в условиях насаждаемой «постправды» в мире политического). Не менее актуальными становятся вызовы, порождаемые новой научно-технологической революцией — цифровизация всех сторон человеческой деятельности, алгоритмизация общественной жизни и человеческого поведения, претензии искусственного интеллекта на управление и манипуляцию интеллектом естественным. Глобальные проблемы человечества, которые, начиная с 70-х гг. прошлого века, были предметом всеобщей озабоченности, научного поиска и принятия политических решений, ныне приняли более жесткий характер касательно не только проблем войны и мира, экологического благополучия и роста народонаселения, но в первую очередь природы человека и смысла его существования в мире искусственного. В довольно категорической форме эта озабоченность прозвучала в очередном, пятидесятом, докладе Римскому клубу «Come On!», подготовленным двумя президентами Клуба — Эрнстом Вайцзеккером и Андерсом Вейкманом (при участии еще тридцати четырех других членов клуба). Это признание реальной опасности неконтролируемого развития и неэтичного использования технологий, поскольку обещания техноутопистов демотивируют людей: если технологии решат все проблемы, нет нужды в поиске сложных, комплексных решений, требующих изменения образа жизни [2, р. 47]. Возможность преодоления этой опасности авторы усматривают в реализации идеи «Нового Просвещения», то есть фундаментальной трансформации мышления, результатом которой должно стать целостное мировоззрение. Гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем. Подобный баланс — «всего лишь одна из особенностей „Нового Просвещения“» [3, р. 95–97], характеризующего антропоцен. Речь идет о наступлении новой эпохи в геологической истории Земли — антропоцена (от др.-греч. ἄνθρωπος — «человек» и καινός — «новый»). Еще в 2000 г. в небольшой заметке «The Anthropocene» Е. Стермер и П. Крутцен писали следующее: «Во время голоцена человеческая деятельность постепенно переросла в значительную геологическую силу, как было признано на раннем этапе рядом ученых. Так, Г. П. Марш еще в 1864 г. опубликовал книгу с названием «Человек и природа», переизданную в 1965 г. Стоппани в 1873 г. определил человеческую деятельность как «новую теллурическую силу, которая по своей мощности и универсальности может быть сравнима с великой силой Земли»... Великий русский геолог В. И. Вернадский в 1926 г. признал рост могущества человечества как части биосферы... Он, а также П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа в 1924 г. придумали термин «ноосфера» (мир мысли), чтобы отметить растущую роль, которую сыграли человеческая мысль и технический талант в формировании своего собственного будущего и окружающей среды. Учитывая это, нам представляется более целесообразным подчеркнуть центральную роль человечества в геологии и экологии и предложить использовать термин «антропоцен» для обозначения текущей геологической эпохи (рис. 1). Последствия текущей деятельности человека будут продолжаться в течение длительного времени [4].

Как бы вдохновенно ни звучали слова о наступлении новой эпохи в геологической истории Земли, прислушаемся к осторожным словам ученого. «Самый мрачный прогноз на следующее тысячелетие состоит в том, — предостерегает британский астроном Мартин Риз, — что био-, кибер- или экологические катастрофы могут исчерпать огромный человеческий потенциал, оставив после себя опустошенную биосферу»².

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088 (дата обращения: 12.07.2018).

² Rees M. The Anthropocene Epoch Could Inaugurate Even More Marvelous Eras of Evolution [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2016/aug/29/the-anthropocene-epoch-could-inaugurate-even-more-marvellous-eras-of-evolution> (дата обращения: 12.07.2018).

Рис. 1. Антропоцен. Тренды, характеризующие глобальные социально-экономические процессы и изменения в биосфере за период с середины XX в. (www.gloabaia.org)

Большая Евразия как цивилизационное пространство

Какое же отношение эти рассуждения о новой геологической эпохе, промышленной революции 4.0, цифровизации человеческой деятельности имеют к заявленной теме? Думается, самое непосредственное. Указанные выше проблемы и вызовы, ведущие, порой стихийно, к перестройке глобального мира, имеют непосредственное отношение и к Евразии — континенту пяти мировых цивилизаций. Причем каждая из них делает свой выбор в этой перестройке, не только опираясь на свою собственную историю, культуру, религию, но и невольно трансформируя свой образ жизни в мире постмодерна и возникающего пост-постмодерна. Недаром в научном лексиконе, политическом дискурсе и обыденной повседневности надежно уживаются такие понятия, как Евразийское пространство, Большая Евразия, Россия-Евразия, Евразийский экономический союз, евразийская цивилизация, евразийская кухня и т. п. Каждое из них несет определенную смысловую нагрузку, пока еще далекую от общепринятого совершенства. Проследим это на примере опубликованного сравнительно недавно документа под названием «Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х — начало 2020-х годов»¹. В «Стратегии», в частности, отмечается, что уже через несколько лет встанет вопрос об «использовании новых возможностей и о создании условий и институтов, чтобы новая мощь Китая не воспринималась соседями, в том числе и Россией, как угроза, и не толкала бы Евразию к расколам» (п. 3.4; здесь и далее указаны разделы данного документа). Авторы обращают внимание на то, что качество и количество имеющихся интеграционных и межгосударственных объединений в Евразии (в том числе ЕАЭС и ОДКБ) пока оптимально, не требует расширения, поскольку «из-за накопленных проблем и спада экономики Россия не сможет в ближайшие годы экономически поддерживать и субсидировать союзников» (п. 3.5). Авторы предлагают строить российскую внешнюю политику, исходя из следующих принципов и целей (в дополнение и развитие официально заявляемых):

- встраивать постоянные союзы, менее надежные и более дорогостоящие, чем прежде, в более широкие, менее затратные структуры сотрудничества (ШОС, «сопряжение» с Китаем, а в перспективе — в рамках евроазиатской системы сотрудничества, развития и безопасности, п. 5.1.4).
- «Идеальное внешнеполитическое и экономическое положение России в будущем — великая, экономически развивающаяся, атлантико-тихоокеанская держава, которая играет центральную роль в Большом Евразийском сообществе, в экономической, логистической, военно-политической интеграции Азии и Европы..., экспортер военно-политической стабильности для Евразии... Экономически... и ментально Россия должна быть не восточной периферией Европы, а северной частью огромной Евразии» (п. 5.1.9).

Осмысливая выдержки из этого документа (предназначенного, кстати, для высшего руководства нашей страны), следует обратить внимание на многозначность упоминаемых в данном тексте вариантов использования понятий «евразийство», «Евразия», «Большая Евразия», «евразийская цивилизация», «евразийское пространство», «евразийское партнерство», которые наполняются различным содержанием. Это вполне обоснованно в ходе научных дискуссий, но при подготовке каких-либо нормативных документов необходимо, очевидно, придерживаться согласованности понятийного аппарата, теоретических умозаключений и ценностных установок. Примечательно, что вопрос «*Может ли евразийство стать основой российской теории международных отношений?*» был поставлен в качестве темы научного семинара в одном из московских университетов и по ходу обсуждения получил утвердительный ответ — «Да, может... и должен!»

За последние полтора века понятие «Евразия» трансформировалось из сугубо географического определения континента в многоплановый теоретический конструкт, фиксирующий эмпирически наблюдаемые природные, экономические, социально-политические и этнокультурные признаки. Большая Евразия как теоретический конструкт реализует проективную функцию научного знания, возникшую еще в античные времена: «Так давай же, — предложил Сократ Адиманту, своему собеседнику, — займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности» (Платон. «Государство», II 369c). В данном случае проективная функция Евразии как конструкта характеризуется не только богатой историей, но и нацеленностью на реализацию сугубо практических задач жизнеустройства большей части евразийского континента, той самой «России-Евразии», которая представляла основу историософских проектов основателей классиче-

¹ Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х — начало 2020-х годов. Тезисы рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике / Руководитель авторской группы по подготовке тезисов С. А. Караганов [Электронный ресурс]. URL: <http://svop.ru/проекты/strategy-XXI/9997> (дата обращения: 12.07.2018).

ского евразийства. Так, Н. Н. Алексеев, один из его ярких представителей, в статье «Евразийцы и государство», опубликованной в Париже еще в 1927 г., в качестве образца для устройства евразийского государства рассматривал советскую систему народного представительства, в которой «отправным пунктом является не отдельный человек и не искусственное соединение людей, но органический территориальный член целого... или же профессиональные объединения людей в пределах этих территориальных единиц, наконец, национальные части государства. Начала эти и подлежат дальнейшему укреплению, развитию и усовершенствованию в евразийском государстве» [5, с. 186].

Но если Алексеев полагал границы евразийского государства в пределах России (имперской или советской), то зарубежные авторы, будь то К. Хаусхофер или Ж. Парвулеско, оперировали масштабами «осеобразной» геополитики. Так, Парвулеско заявлял, что «политико-историческое пришествие Евразийской империи конца, включающей Западную и Восточную Европу, Россию и Великую Сибирь, Индию и Японию, навсегда перечеркнет нынешние гегемонистские империалистические проекты тех сил, которые Билл Клинтон недавно собирательно назвал „планетарным сверхмогуществом Соединенных Штатов“». Более того, Парвулеско, ратуя за укрепление национальных интересов, в первую очередь Франции и Германии, выдвинул ряд тезисов по установлению на месте оси Париж — Берлин — Москва «оси нового имперского великоконтинентального и евразийского авангардного уровня». Вот некоторые из этих тезисов:

- «Россия — Новая, *наша* Россия — должна стремиться... предпринять сверхчеловеческую попытку отыскать свой полярный центр тяжести...»;
- «Великая Европа, нуждающаяся сегодня в мобилизационной оси Париж — Берлин — Москва, может и должна срочно сделать все для политического и индустриально-экономического восстановления Новой России...»;
- «Восток Великого континента и высший имперский континентальный проект должны воссоединиться через Новую Россию» [6, с. 179, 208–213].

Такие псевдополитические послы вряд ли можно признавать конструктивными в деле устройства евразийской цивилизации и евразийского союза, объединяющего государства на единой платформе сотрудничества и разрешения межгосударственных конфликтов. Подобные призывные тезисы чем-то напоминают оценку положения России как «геополитического балансира» в Европе конца XIX в., когда (в 1882 г.) был основан «Тройственный союз» Германии, Австро-Венгрии и Италии, направленный против Франции и России. В ответ на создание «Тройственного союза» возникли франко-русский союз (1891–1894 гг., кстати, после многочисленных просьб и обращений с французской стороны к российскому правительству), англо-французское соглашение (1904 г.) и англо-русское соглашение (1907 г.) приведшие к формированию Антанты как временной геополитической коалиции России, Великобритании и Франции. И к чему это все привело?! По этому поводу стоит вспомнить доклад известного дипломата той поры, члена Государственного совета, барона Р. Р. Розена, имевший весьма примечательное название «Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 г., в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщенный в октябре того же 1912 года». Обращают на себя внимание следующие слова из этого доклада: «Россия, занимающая бóльшую половину Европейского материка, есть не столько величайшая европейская держава, сколько сама по себе целая часть света, поставленная между Европою и Азией, и с точки зрения такого ее положения и должны быть рассматриваемы истинные ее интересы в мировой политике. Предоставлением Германии преобладания в западной половине Европы и устранением себя от всякого участия в соперничестве европейских держав на почве чисто европейских интересов, Россия обеспечила бы себе безопасность ее западной границы и полную свободу рук для преследования ее миссии в Азии, повелительно указанной ей ее географическим положением, от выполнения которой ей тем труднее будет отворачиваться, чем яснее будет обрисовываться начавшееся пробуждение азиатских народов» [7, с. 22.]. Столетие спустя столь же конструктивные идеи высказал президент итальянской ассоциации «Познаем Евразию», председатель совета директоров АО «Банк Интеза» Антонио Фаллико: «Только путь через Россию обеспечивает безопасность, с точки зрения военных и геополитических угроз. Другие маршруты на определенном отрезке пролегают через зоны войн, конфликтов, нестабильности и других рисков. Теперь под очевидное преимущество России надо подогнать экономику и технологию... Мне бы хотелось видеть Большую Евразию как территорию, где свободно и в условиях безопасности перемещаются люди, деньги, товары и услуги, в том числе банковские. Перемещаются свободно, как ветер»¹. Эти мудрые

¹ Фаллико А. Интеграция пространства Большой Евразии востребована обществом и экономикой [Электронный ресурс]. Евразийский коммуникационный центр. Евразия: перспективы. 05.09.2016. URL: <http://eurasiancenter.ru/perspective/20160905/1004395076.html> (дата обращения: 12.07.2018).

слова должны, очевидно, стать назиданием сегодняшним политикам и геостратегам, которые порой увлекаются постмодернистскими интерпретациями реальных политических процессов. Ныне эта идея евразийского государства воплощается в таких надгосударственных организациях, как Евразийский экономический союз, Организация договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества.

Структурообразующим ядром Большой Евразии как цивилизационного пространства выступает Россия. Становление собственно евразийской цивилизации происходило на протяжении нескольких веков в процессе формирования Азиатской России как полицивилизационного макрорегиона [8, с. 56–78]. Это положение подтверждалось многочисленными исследованиями отечественных ученых, работами представителей сибирского областничества и классического евразийства, в частности, Г. В. Вернадским, который справедливо отмечал: «Нет естественных границ между „Европейской“ и „Азиатской Россией“. Следовательно, нет двух России — „Европейской“ и „Азиатской“. Есть только одна Россия — Евразийская, или Россия — Евразия. Евразия и представляет собой ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу» [9, с. 6]. Оставляя в стороне многие конкретные вопросы реализации проекта «Большая Евразия» («Большое евразийское партнерство»), следует обратить внимание на проблему стратегического порядка, которая требует согласованного решения России и других государств — членов ЕАЭС: ЭПШП (Экономический проект Шелкового пути) нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на объединение с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП — ЕАЭС, но и ЭПШП — ЕАЭС — ЕС (кстати, в этом направлении был принят документ, определяющий перспективы развития и самого ЕАЭС, — «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны» (17.05.2018), которое вступило в силу в соответствии с решением Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 21). В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП — ЕАЭС — ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП — ЕАЭС и ЭПШП — ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС — ЕС будет отсутствовать. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала.

В рамках реализации государственной национальной политики Правительством РФ была принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», основной целью которой является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации. В этом программном документе определен комплекс мер по устранению негативных тенденций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и направленных на «координацию государственной национальной политики, выработку региональных стратегий этнокультурного развития, поддержку диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями»¹. Итак, рассматривая вопрос об историософских и геополитических контурах евразийской цивилизации, следует четко представлять, что системообразующим фактором ее становления и развития явилась российская государственность, претерпевшая за многовековую свою историю многочисленные трансформации — от Киевской и Владимирской Руси до Российской Федерации и создаваемого Евразийского союза. Можно приводить многочисленные суждения отечественных, и не только, авторов, в которых с разной степенью убедительности утверждалась одна и та же идея — в геополитическом, этнографическом и историко-культурном отношении «Континент-Евразию» следует рассматривать как одну из локальных цивилизаций, ядром которой выступает современная Россия (рис. 2).

Проектирование будущего Большой Евразии

Проективная функция Евразии как идеологического и теоретического конструкта поначалу получила оригинальное воплощение в серии работ В. Л. Цымбурского в 90-е годы прошлого века. «В воздухе висит „заказ“, — предвещал он еще в 1995 г. грядущие события, — который пока

¹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/4022> (дата обращения: 12.07.2018).

Russia's Ethnic Republics

Рис. 2. Евразийская цивилизация

Источник: <http://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/evrazijskaa-civilizacia>

не материализовался в „заказчике“. В эпицентр проективного знания Цымбурский вводил дискурсы о статусе цивилизационной геополитики России, цивилизационном ядре в формате «острова России» и «непосредственном присутствии России в жизни чужих цивилизаций». Он же предвосхитил оценку нынешнего состояния бывших союзных республик, которые, дистанцировавшись «от России-СССР под лозунгами включения в некие свои „человечества“, оказываются в положении цивилизационно-геополитических „амфибий“, окраинных полукровок в тех сообществах, которым они напрашивались в родство» [10, с. 21].

Это уже не «геополитическая беллетристика», а вполне четкая экспертная оценка и рекомендации по сохранению лимитрофа в качестве «пояса относительной безопасности России». И вот спустя почти четверть века я обнаруживаю еще один, не менее значимый отход от «геополитической беллетристики» в сторону не всеми забытой марксистской методологии исследования общественного производства. «Геополитическая стратегия не может... ограничиваться, — как справедливо утверждают А. В. Дьяков и А. М. Соколов, — простым контролем над территорией, заключающей в себе природные ресурсы. Всякий ресурс становится таковым только благодаря труду, точнее, рабочей силе, его производящей. Последняя же определенным образом связана с той территорией, на которую направлены чьи-либо властные амбиции: кроме людей, ее населяющих, никто больше не в состоянии продуктивно вести на ней хозяйство. Поэтому геополитика должна выстраиваться как цивилизационная стратегия, выражающаяся в стремлении к тотальному контролю над материальными ресурсами, включая рабочую силу» [11, с. 28]. Соглашусь с суждением авторов относительно долженствования геополитики выступать в качестве цивилизационной стратегии, но хочу напомнить, что власть геополитики распространяется не только на заселенные и обрабатываемые людьми (которые в данном случае выступают как совокупная рабочая сила) территории, но и на «пустые» пространства. К таковым относятся Арктика и Антарктида, малозаселенные и неосвоенные пространства Восточной Сибири и Дальнего Востока. 1/3 территории России находится в холодном поясе, слабо заселенном и не пригодном для ведения продуктив-

ного сельского хозяйства. Недаром в некоторых справочных изданиях Россию относят к Северной Евразии, а в географическом справочнике ЦРУ читаем о ее местоположении: «Северная Азия (часть которой западнее Урала часто включается в Европу), граничащая с Северным Ледовитым океаном, между Европой и северной частью Тихого океана» [12, с. 426]. И это при том, что ООН в начале 1990-х гг. оценивала богатство недр России в 30 трлн долл., а США — в 8 трлн долл. Так что идея *Heartland* британского географа Х. Макиндера («Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром») сохраняет свою актуальность и поныне. Таким же «пустым» пространством в современном геополитическом простоянии становится и киберпространство.

И еще на одной проективной функции Евразии как идеологического и теоретического конструкта следует остановиться — это дискурс «геополитического треугольника». Речь идет о столкновении интересов каких-либо трех центров силы, сторон на евразийском пространстве (будь то США–Китай–Россия, США–Китай–Индия, США–ЕС–Россия, Китай–Индия–Пакистан, Китай–Россия–исламский мир и др.), и построении сценариев развития на ближайшие десятилетия, исходя из базового тезиса: основная конкуренция в мире будущего развернется на экономико-технологическом (четвертая промышленная революция и переход к шестому технологическому укладу) и идейно-информационном (явные и неявные опасности, порождаемые искусственным интеллектом и алгоритмизацией всех сторон человеческой деятельности) направлениях. Реализация проекта Большой Евразии упирается, как предупреждает Ф. А. Лукьянов, в вопрос о дальнейшем целеполагании России, находящейся в поиске новой, постсоветской идентичности. Поэтому «традиционная раздвоенность сознания (Восток–Запад, Европа–Азия, Евразийство–Евроатлантизм и пр.) скрывает сегодня нежелание выбрать для себя какой-то вектор развития... евразийская идея то интерпретируется как нечто, противопоставленное Европе и Западу, то как естественная составная часть большого евро-азиатского пространства от Лиссабона до Владивостока»¹.

В более развернутой форме С. Ю. Глазьев рассматривает семь сценариев развития России в зависимости от внутренних и внешних факторов в треугольнике с США и Китаем, справедливо полагая наиболее перспективным сценарий российско-китайского партнерства при условии формирования в России институтов нового мирохозяйственного уклада, перехода к стратегии опережающего развития и создания Большого Евразийского партнерства [13, с. 256–261].

Вернемся еще раз к «Государству» Платона. В диалоге о справедливости решаются многие другие вопросы — об «идеях» (причинах бытия всех вещей) и о природе человека, об общественных связях между людьми и об идеальном государстве. Ныне же что-то неправильное происходит в «осыпающемся мире», заметной чертой которого оказывается исход универсальных этических представлений о справедливости в принятии политических решений. Будем надеяться, что осуществление проекта «Большая Евразия» позволит коренным образом изменить эту тенденцию.

Литература

1. Жизнь в осыпающемся мире. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М. : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2018.
2. *Weizsaecker E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.
3. *Ibid.* P. 95–97.
4. *Paul J. Crutzen, Eugene F. Stoermer.* The «Anthropocene» // *IGBP News Letter.* May 2000. N 41. См. также: *Marsh G. P.* The Earth as Modified by Human Action. Belknap Press, Harvard University Press, 1965; *Clark W. C.* In Sustainable Development of the Biosphere / Eds. W. C. Clark, R. E. Munn. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. Chapt. 1; *Vernadski V. I.* The Biosphere, translated and annotated version from the original of 1926. Copernicus, Springer, New York, 1998.
5. *Алексеев Н. Н.* Евразийцы и государство // Мир России — Евразия. Антология. М. : Высшая школа, 1995.
6. *Парвулеско Ж.* Путин и Евразийская империя. Сб. статей / под общ. ред. А. Г. Дугина. СПб. : Амфора, 2006.
7. *Розен Р. Р.* Европейская политика России. Петроград. : Тип. А. Бенке, 1917.
8. См. подробнее: *Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н.* Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. СПб. : ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность», 2018.
9. *Вернадский Г. В.* Начертания русской истории. М. : Алгоритм, 2007.

¹ *Лукьянов Ф. А.* Россия: внешняя политика в мире будущего [Электронный ресурс] // Стратегия XXI (Версия для обсуждения). Совет по внешней и оборонной политике, 2014. С. 264. URL: <http://svop.ru/проекты/strategy-XXI/9997/> (дата обращения: 12.07.2018).

10. *Цымбурский В. Л.* Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Цымбурский В. Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. Изд. 2-е. М. : Едиториал УРСС, 2010.
11. *Дьяков А. В., Соколов А. М.* Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика // Вопросы философии. 2018. № 11.
12. Географический справочник ЦРУ. Екатеринбург : У-Фактория, 2004.
13. *Глазьев С. Ю.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018.

Об авторе:

Кефели Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор кафедры социальной безопасности Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, эксперт РАН; geokefeli@mail.ru

About the author:

Igor F. Kefeli, Dr. Sc., Director of the center for geopolitical expertise and publishing projects of the North-West Institute of Management, branch of RANEPА, Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Department of social security, expert RAS; St. Petersburg, Russia. geokefeli@mail.ru